

ИГРЫ ГЕРОЕВ

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

КРОНА ОГНЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Игры героев» основана в 2014 году

Дизайн переплета — *Василий Половцев*

Внутреннее оформление — *Андрей Фerez*

В оформлении использована иллюстрация
Яны Половцевой

Свержин, Владимир.

С24 Крона огня : фантастический роман / Владимир Свержин. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Игры героев).

ISBN 978-5-17-084654-2

Самое опасное время для победителя — сразу после громкой победы. Еще не отзвучали фанфары и не увяли лавры, и потому не слышен лязг оружия нового врага — но он уже близок. И тот неприятель, что был вчера, рядом с ним покажется уличной шпаной. Кто из недавних соратников готов ударить в спину? Кто из врагов станет другом?

Командировка в Темные века франкской державы инструктора Института Экспериментальной истории Сергея Лисиченко и его стажеров продолжается. Мир людей все еще под угрозой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-084654-2

© В. Свержин, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Это невероятно, хотя и очевидно.

Апостол Фома

— «...Я жил во Франции цветущей в такие темные века, что солнца луч, ко дню зовущий, не смог возжечь среди живущих светильник разума пока». — Лис продекламировал начало еще не рожденной баллады, стряхнул чернильную каплю, почесал за ухом очиненным наискось гусиным пером и задумчиво воззрился на муху, бредущую по потолочной балке.

— И шо это ты на меня так подозрительно уставилась? Шпионишь?

Чтобы отвести от себя подозрение, муха всплеснула крыльями, изящно похлопала ими и умчалась от греха подальше. Сергей криво ухмыльнулся. Нет, муха, пусть даже самая парижская, — априори недостойный слушатель его возвышенных поэтических откровений.

Грядущее возвращение под сень институтских сводов требовало подробного отчета о проделанной работе. Конечно, здесь, в мире, где на золотом троне Франции восседал юный король драконьей крови Дагоберт III, у его оперативной группы остава-

лись еще кое-какие неоконченные дела, но все же скорый отзыв «нурсийских путешественников» считался делом решенным. А коли так — следовало навести последний лоск, начистить сапоги и, конечно, подготовить балладу, или как там ее, ораторию для сольного и совместного оранья под настроение в «кают-компани» Лаборатории Рыцарства.

Он активизировал закрытую связь, бесцеремонно вторгаясь в сознание самого куртуазного и уже потому самого безответного из «боевых хомячков».

— *Ау, Валет, ответь мне, не как боевая единица с минусом, а как зрелый плод эволюции — человек неумеренно разумный, хуже того, вундеркинд, долгое время изводивший протуберанцами интеллект профессоров Сорбонны. Вот я тебе прочту начало баллады, а ты ответь честно, без утайки, но все же помня о субординации, — хорошо получается?*

Инструктор Международного Института Экспериментальной Истории собрался было прочесть теплые еще стихи подопытному кадету, но замер, осмысливая увиденное на канале связи.

— *Мой юный друг, а чем это ты там занят?*

Стажер-оперативник Института, прославленный во франкских землях менестрель, шевалье Кристиан де Ла Валетт, стройный и утонченный, будто гончая, с длинными иссиня-черными волосами и аристократическим профилем жертвы многовекового генетического отбора, обладатель обсидиановых глаз потомственного южанина самозабвенно рубил дрова.

— *Ты шо, — поразился Лис, — устроился помощником истопника в местной бане, прости, терме? Хотя термы уже позакрывались, а бани — это вообще не здесь.*

— Нет-нет, господин инструктор, — прервал странное занятие сладкозвучный певец любви и прочих красот природы, — мне тут не дает покоя один чрезвычайно занятный вопрос...

— Прикинь, мне тоже. Даже два. Во-первых, тебя в родовом замке не учили, шо дрова колют вдоль, а не поперек? А во-вторых, с какого перепугу ты делаешь это мечом? Ты бы их еще попробовал рубить... ладно, про это не будем. В общем, слава богу, Камдил этого безобразия не видит! Он человек суровый, не то, что я, гуманист и душелюб.

— Да, судя по вашим отзывам, его присутствие было бы нам очень кстати, — согласился Бастиан, задумчиво оглядывая нарубленные дубовые чурки. — Но если позволите, я все же задам свой вопрос не ему, а вам.

— Да уж шо с тобой делать, выбора особо нет. Валий, светильник разума, озадачь меня неожиданной вспышкой мозговой активности.

— Вы знаете, господин инструктор, там, в Сорбонне, я пытался заниматься историческим фехтованием, но, увы, не достиг в этом сколько-нибудь впечатляющих успехов. Однако вот этим, — перед глазами Лиса возник клинок трофейного абарского меча, с которым упражнялся Валет, — у меня получается с одного удара перемахивать деревянные чурбаки сантиметров в двадцать толщиной. Полагаю, это не предел.

— Ну, так яшень пень, меч-то абарский. Они вон с ними прошлись по европейским армиям, шо та газонкосилка по репейным зарослям.

— Это верно. Но с другой стороны, сами абары — кочевники. Я видел подковы их коней. Прямо скажем, не шедевр кузнечного ремесла. И стремена... У них нет металлических стремян, они пользуются кожаными

петлями с деревянной подставкой под ступню. А клинки — мало того, что это продукт высоких технологий, это произведение искусства.

— Точно, точно, — согласился Лис, — я вон для Джокера-1 тоже прихватил на всякий случай три штуки в подарок. Он обрадуется. Вернется, а тут мы ему такой стальной букет.

— Да, но откуда у абаров такие мечи?!

— Мой юный друг, ты меня удивляешь. Они получили свое оружие от просочившихся «с того света» хаммари, это уже давным-давно известно. Ну, в смысле, давным-давно — всю последнюю неделю.

— Да, конечно, они получили оружие от хаммари, но судя по тому, что мы узнали об этих страхолюдинах и о драконьем мире, у хаммари тоже нет кузнецов. И вообще с ремеслами туго. Да и с мозгами. А тут нужны знания, умения...

— Погоди... — На канале связи на мгновение воцарилась гнетущая тишина. Покровительственный тон Лиса сдуло в единый миг. — Ты не просто Валет, ты Козырный Валет! То есть выходит, шо этих хаммари самих кто-то дергает за веревочки?

— Получается, что так.

Глава 1

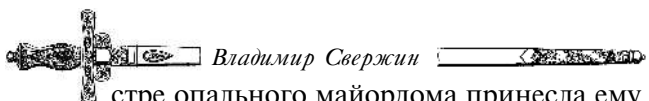
Человек всегда отбрасывает тень, но никому еще не удавалось сделать это окончательно.

Из кодекса ниндзя

Пламя свечей шарахнулось, будто от испуга, когда закрылась дверь потайной комнаты в доме Элигия, великого казначея франкской державы. Тот проверил, хорошо ли держит засов, по-хозяйски огляделся и прошел к своему рабочему месту – неказистому, но, как он полагал, стоящему выше самого великолепного трона в стране.

Верный Мустафа с поклоном вручил господину обтянутую тисненой кожей книгу. Эти письма говорили сердцу бывшего золотых дел мастера больше, чем Новый, а уж тем паче Ветхий Завет. Здесь, навечно запечатленные на тонком пергаменте, содержались расчеты – неровный ритм сердцебиения государства. Ровными столбцами каллиграфически выписанных цифр красовались прибыли; шрамами, исполосовавшими сердце, темнели суммы неизбежных трат.

Вышедший из низов мастер знал счет деньгам и цену каждого денария. Внезапная женитьба на се-

стре опального майордома принесла ему огромные богатства, земли и место при дворе, но отнюдь не любовь и почтение вельмож. С ним считались, ему вымученно улыбались, а спиной Элигий ощущал сверлящие завистливые взгляды.

Те, кого он столько лет снабжал украшениями и регалиями власти, наконец увидели в нем человека. И остались недовольны увиденным. Чванливые бароны почитали его наглым выскочкой, чуть ли не проходимцем.

Мастер был готов к этому. Все, что беглый вельможа, брат его нелюбимой жены, получил по праву рождения, ему приходилось беззастенчиво покупать: тратить и тратить звонкие монеты, одаривать глупых, но храбрых вояк, охочую до золотых безделушек матушку кесаря. И главное — ее молчаливого, резкого, как удар бича, сына — едва вошедшего в силу государя. Для подарков требовалось золото. Много золота, и много яркоцветных камней. И, проклятье, отдавать их приходилось навсегда! Вот просто так, широким жестом, с милой улыбкой на устах.

Темнолицый, похожий на хмурого демона Мустафа понимал Элигия без слов. Он готов был разорвать любого, кто станет на пути господина, и не раз доказывал свою преданность на деле. Некогда мастер спас от верной смерти этого иберийского мавра, подвешенного в железной клетке на перекрестке дорог для всеобщего устрашения, и, хотя хозяин его не удерживал, мавр вовсе не горел желанием покинуть доброго господина.

Элигий уселся поудобней за стол, принял увесистый том, развернул его на заложенной странице и перечел список нынешних даров: «Расходы, опять эти чертовы расходы!» Он неторопливо водил паль-

цем вдоль строк, опасаясь пропустить что-то важное. Но вот палец замер, точно упершись в невидимую стену. Как гласила запись, массивная золотая цепь, украшенная алыми гранатами, была преподнесена долговязому нурсийцу с переносицей, перебитой невесть кем, но, видно, добрым человеком. Элигий печально вздохнул — он бы с удовольствием поручил нечто подобное еще какому-нибудь доброму человеку. Если бы, конечно, мог. Этот Рейнар, наставник сэра Жанта Нурсийского, непрост, ох, непрост!

Конечно, недавнему ювелиру двора следовало быть ему благодарным за помощь в обретении места и положения близ трона, но все пошло не так, как хотелось. Даже вот с этой чертовой цепью: Мустафа, передававший драгоценный подарок, не преминул доложить, что долговязый насмешник совершенно не оценил его. Он принял золотую цепь со странной гримасой то ли угрозы, то ли насмешки, покрутил ее, намотал на кулак, а потом небрежно бросил на стол, как будто это был не полновесный фунт золота с драгоценными ювелирами, а вервие бедняка, годное подвязывать драную камизу.

Но, что было совсем оскорбительно, нурсиец не просто пренебрег его даром. В ответ он вручил Мустафе дивную вещицу, маленькую, серебристую. Едва нажмешь на один конец ее, из другого выскакивает крохотный язычок пламени. Ответный жест превращал драгоценный дар в ничто. Получился обычный ни к чему не обязывающий обмен!

«Долговязый хитер, — постукивая указательным пальцем по исписанному пергаменту, думал Элигий, — его просто так не объедешь. Мадам Гизелла доверяет ему, как никому другому, Дагоберт тоже ему благоволит, а главное, под его рукой бароны,

верные юному государю. Они видят в нурсийском пересмешнике умелого военачальника и готовы следовать за ним хоть на край света!

Конечно, он чужестранец, но что с того? Очень может быть, не сегодня – завтра Дагоберт назначит его майордомом вместо беглого Пипина. Тогда уж, как ни крути, придется плясать под его дудку. А уж в какие игры он играет, кому как не мне довелось близко познакомиться?!»

Ему в деталях припомнилась история отстранения от власти владетельного Пипина Геристальского, первейшего из вельмож франкских земель и потомка знатнейших вельмож.

«С таким ловкачом, как этот мастер Рейнар, не разгуляешься – выпотрошит и выбросит! Но и прямо выступить против него пока нельзя. Конечно, пост казначея – один из самых высоких, но мне он достался без году неделя, при случае его легко можно и лишиться. Вон у того же Пипина и отец, и дед правили Нейстрией, и прадед, – сильно ли ему это помогло? Теперь вот скрывается...»

Ему припомнился день перед великой схваткой с абарами, день, когда решалась его судьба, ну и судьба всего христианского мира. Однако это уже потом, а тогда, заручившись дозволением на брак с Брунгильдой, он помог Пипину скрыться, избежать справедливой кары...

Элигий захлопнул приходно-расходную книгу, словно поставил точку в своих размышлениях.

С этим Рейнаром нужно покончить! Чем скорее, тем лучше. Если он пожелает убраться в свою неведомую страну – прекрасно! Одним грехом на душе меньше. Но чтобы этакий хват решил убраться несолоно хлебавши, от накрытого стола... – быть такого не может! А тогда...

Мустафа склонил голову и, ожидая приказа, водрузил мощную пятерню на рукоять длинного, изогнутого, словно львиный клык, острейшего кинжала.

Кровавый огонь

— Слушай и запоминай, — после недолгой паузы решился казначей, — сегодня ты отправишься в аббатство Святого Эржена, найдешь там нового отшельника... — бывший золотых дел мастер запнулся, не доверяя и стенам запретное имя, — сам знаешь, кого. Передай ему, что спустя три дня после твоего приезда я буду ждать его в замке Форантайн.

Стволы на глазах разбухали и ползли вверх, подобно вставшим на хвост огромным питонам, делались все толще, переплетались, как огромные, натянутые между землей и небом канаты. Баляр, едва шевеля губами, попросил Карела приподнять его и усадить спиной к дереву. Тот вздохнул, понимая, что, очевидно, выполняет последнее желание невольного союзника, без видимого усилия поднял иссохшее тело и прислонил его к растущему на глазах необычному стволу. Шип дерева тифу, вставленный костлявой рукой изможденного неврского «старца» в пасть чудовища хаммари, дал моментальные и очень странные всходы. И каменное страшное лицо, и вступивший с ним в смертельный бой побратим сэра Жанта, могучий северянин Фрейднур, миг исчезли меж окутавших их коконом стеблей, на глазах деревенеющих и разрастающихся с невероятной скоростью.

Весь жизненный опыт бывшего сержанта президентской гвардии командным тоном наставлял, что не бывает столь быстрорастущих деревьев. Даже бамбук, уж на что трава, и тот растет куда медленнее. Но перевитый ствол тянулся все выше, едва не

касясь облаков и там уже расходясь мощной кроной. Карел же Страже пожалел, что в свое время прогуливал уроки ботаники и, в частности, тот, на котором рассказывалось о столь диковинных представителях экзотической флоры. Между тем от ствола дерева послышался требовательный юношеский голос:

– Помоги мне остальных сюда перенести!

Принц Нурсии резко дернул головой, переводя взгляд с кроны туда, где мгновение назад лежал умирающий... Н-да, с фауной в этих местах тоже было не все в порядке. Вернее, как раз наоборот. Там, где мгновение назад среди корней скрючился изможденный старец, ныне, прислонясь спиной к дереву, стоял юноша, крепкий и жилистый, с едва пробивающейся бородой. Но все же, будь Карел билетером в кинотеатре, непременно проверил бы у него паспорт, прежде чем пустить на сеанс для взрослых.

– Ну что же ты медлишь? Давай же! Пока не поздно.

Сэр Жант ошарашенно кивнул и бросился к стонущим людским отбросам, выкинутым абарами издыхать среди обглоданных временем человеческих костей. Он подхватывал их по двое, вскидывая на плечи, затем, вцепившись в живописные лохмотья, поднимал еще двоих и, под аккомпанемент жалобных стонов, тащил их к продолжавшему разрастаться дереву. Очень скоро у него появились расторопные помощники, такие же худошавые и мускулистые, как Баляр. Когда последний из обреченных на гибель встал на ноги, Карел удивленно огляделся по сторонам и вдруг понял, что среди бела дня не видит солнца — густая крона над головой закрывала едва ли не полнеба.

— Ты знаешь, что это? — обескураженно глядя по сторонам, спросил он у подошедшего княжича, предводителя лесных невра.

— Конечно. Не думал, что доведется увидеть своими глазами, но об этом дереве у нас каждый знает. — Юноша чуть заметно улыбнулся и обвел взглядом соплеменников, точно ожидая подтверждения. Десятки спасенных одобрительно загудели, наперебой подтверждая слова вожака. — Это же священное древо Байтерек. Когда двенадцать раз дракон перворождения увидит свой хвост, священный беркут Алаяр приносит семя Байтерека и роняет его на землю из чертога хранителя небес.

— Но это ведь была колючка дерева тифу, я знаю, — перебил его Карел.

— Нижнее семя. Не наше, — покачал головой Баляр. — Кровь взяла, оттого и выросла.

— Погоди, погоди, — не унимался сэр Жант, — чью кровь, Фрейднура? — Брови его нахмурились, и он сжал кулаки. — Ты же сказал, он жив.

— Жив, — вновь подтвердил княжич невра. — Пока тут лишь всходы. Дождись урожая.

— Как это дождись? А вы?

— Древо три руки дней тянуться будет. А нам пора уходить. Пока волчье солнышко взойдет, нам бы до леса добраться. Путь не близкий. — Баляр положил руку на плечо грозного воина. — Я и народ мой помощи твоей не забудем. Как ветки наземь упадут — сделай дудку. Как задудишь в нее, мы придем на подмогу. А сейчас прощай. Да, и еще запомни: в утро плодоношения держи меч наготове, а лучше спрячься.

— Хаммари появятся? — насторожился Карел ze Страже.